

языков может, естественно, подразделяться на субкоды — диалекты, жаргоны, стили).

Понятие социально-коммуникативной системы ввел в научный оборот в середине 1970-х годов московский ученый А. Д. Швейцер. Он особо подчеркивает функциональный аспект этого понятия: “Отношение функциональной дополненности означает социально детерминированное распределение сосуществующих в пределах данного языкового коллектива систем и подсистем по сферам использования (книжно-письменная речь, бытовое общение и т. п.) и общественным функциям (наука, культура, образование, религия), с одной стороны, и по социальным ситуациям — с другой” [Швейцер 1976а: 76].

1.5. Языковая ситуация

Компоненты социально-коммуникативной системы, обслуживающей то или иное языковое сообщество, находятся друг с другом в определенных отношениях. На каждом этапе существования языкового сообщества эти отношения более или менее стабильны. Вместе с тем изменение политической обстановки в стране, смена государственного строя, экономические преобразования, новые ориентиры в социальной и национальной политике и другие факторы могут так или иначе влиять на состояние социально-коммуникативной системы, на ее состав и на функции ее компонентов — кодов и субкодов.

Функциональные отношения между компонентами социально-коммуникативной системы на том или ином этапе существования данного языкового сообщества формируют **языковую ситуацию**, характерную для этого сообщества⁶.

Понятие *языковая ситуация* применяется обычно к большим языковым сообществам — странам, регионам, республикам. Для этого понятия важен фактор времени: по су-

⁶ В книге Л. Б. Никольского “Синхронная социолингвистика” языковой ситуацией называется “совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и в этнической общности” [Никольский 1976: 79–80]. В этом определении не принят во внимание аспект функционирования кодов и субкодов, входящих в указанную совокупность, их соотношение по функциям на данном этапе существования административно-территориальных и этнических общностей.

шеству, языковая ситуация — это характеристика социально-коммуникативной системы в определенный период ее функционирования.

Например, на Украине, где социально-коммуникативная система включает в качестве главных компонентов украинский и русский языки (помимо них есть белорусский, болгарский, венгерский, чешский и некоторые другие), до распада СССР наблюдалось относительное динамическое равновесие между этими языками. Существовали школы и с украинским, и с русским языком обучения, в науке и высшем образовании были в обращении оба языка, в известной мере деля сферы применения (естественные и технические науки — преимущественно на русском языке, гуманитарные — преимущественно на украинском). В бытовом общении выбор языка определялся интенциями говорящего, типом адресата, характером ситуации общения и т. п. В 90-е годы XX в. функции русского языка на Украине резко сужаются, он вытесняется украинским языком из сфер среднего и высшего образования, науки, культуры; применение русского языка в бытовом общении также сокращается.

Эти перемены — несомненное свидетельство изменения языковой ситуации, в то время как состав социально-коммуникативной системы, обслуживающей украинское языковое сообщество, остается прежним.

О том, как складывалась языковая ситуация в нашей стране, рассказано в приложении к учебнику.

1.6. Переключение и смешение кодов

Как уже говорилось, коды (языки) и субкоды (диалекты, стили), составляющие социально-коммуникативную систему, функционально распределены. Это значит, что один и тот же контингент говорящих, которые составляют данное языковое сообщество, владея общим набором коммуникативных средств, использует их в зависимости от условий общения. Например, если вести речь о субкодах литературного языка, то в научной деятельности носители литературного языка используют средства научного стиля речи, в делопроизводстве, юриспруденции, административной переписке они же прибегают к средствам официально-делового стиля, в сфере религиозного культа — к словам и конструкции-

ям стиля религиозно-проповеднического и т. д. Иначе говоря, в зависимости от сферы общения говорящий *переключается* с одних языковых средств на другие.

Похожая картина наблюдается и в тех обществах, где используется не один, а два языка (или несколько). *Билингвы*, т. е. люди, владеющие двумя (или несколькими) языками, обычно “распределяют” их использование в зависимости от условий общения: в официальной обстановке, при общении с властью используется преимущественно один язык, а в обиходе, в семье, при контактах с соседями — другой (другие). И в этом случае можно говорить о переключении с одного кода на другой, только в качестве кодов фигурируют не стили одного языка, как в первом примере, а разные языки.

Переключение кодов, или кодовое переключение — это переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка (диалекта, стиля) на другой в зависимости от условий коммуникации⁷.

Что, какие изменения в условиях коммуникации заставляют говорящего менять код? Например, *смена адресата*, т. е. того, к кому обращается говорящий. Если адресат владеет только одним из двух языков, которые знает говорящий, то последний, естественно, должен использовать именно данный, знакомый адресату, язык, хотя до этого момента в общении с собеседниками-билингвами мог использоваться другой язык или оба. Переключение на известный собеседнику языковой код может происходить даже в том случае, если меняется состав общающихся: когда к разговору двоих билингвов присоединяется третий человек, владеющий только одним из известных всем троим языков, то общение должно происходить на этом языке. Отказ же собеседников переключиться на код, знакомый третьему участнику коммуникации, может расцениваться как неже-

вание посвящать его в тему разговора или как пренебрежение к его коммуникативным запросам.

Фактором, обуславливающим переключение кодов, может быть *изменение роли* самого говорящего. Скажем, в роли отца (при общении в семье) или в роли соседа по дому он может использовать родной для него диалект, а обращаясь в органы центральной власти, он вынужден переключаться на более или менее общепринятые формы речи. Если такого переключения не произойдет, представители власти его не поймут, и он не достигнет своей цели (удовлетворить просьбу, рассмотреть жалобу и т. п.), иначе говоря, потерпит *коммуникативную неудачу*.

Тема общения также влияет на выбор кода. По данным исследователей, занимающихся проблемами общения в условиях языковой неоднородности, “производственные” темы члены языковых сообществ предпочитают обсуждать на том языке, который имеет соответствующую специальную терминологию для обозначения различных технических процессов, устройств, приборов и т. п. Но как только тема с производственной меняется на бытовую, “включается” другой языковой код или субкод — родной язык или диалект собеседников. В одноязычном обществе при подобной смене кода происходит переключение с профессионального языка на общеупотребительные языковые средства.

В каких местах речевой цепи говорящие переключают коды? Это зависит от характера влияния тех факторов, о которых только что шла речь. Если влияние того или иного фактора говорящий может предвидеть и даже в каком-то смысле планировать, то переключение происходит на естественных границах речевого потока: в конце фразы, синтаксического периода, при наиболее спокойном режиме общения — по завершении обсуждения какой-либо темы. Однако если фактор, обуславливающий кодовое переключение, вмешивается неожиданно для говорящего, он может переключаться с кода на код посередине фразы, иногда даже не договорив слова. При высокой степени владения разными кодами или субкодами, когда использование их в значительной мере автоматизировано, процесс кодового переключения может не осознаваться говорящим, особенно в тех случаях, когда другой код (субкод) используется не целиком, а во фрагментах. Например, говоря на одном языке, человек может вставлять в свою речь элементы дру-

⁷ Термин *переключение кодов (кодовое переключение)* является переводом английского термина *code-switching*. Первые работы, исследующие механизм переключения кодов, появились в англоязычной лингвистической литературе в середине 70-х годов XX в. Однако на само это явление, еще без использования указанного термина, раньше обратил внимание Р. Якобсон, который писал: “Любой общий код многоформен и является иерархической совокупностью различных субкодов, свободно избираемых говорящими в зависимости от функции сообщения, адресата и отношений между собеседниками” [Jakobson 1970: 458].

гого языка — фразеологизмы, модальные слова, междометия, частицы.

Способность к переключению кодов свидетельствует о достаточно высокой степени владения языком (или подсистемами языка) и об определенной коммуникативной и общей культуре человека. Механизмы кодовых переключений обеспечивают взаимопонимание между людьми и относительную комфортность процесса речевой коммуникации. Напротив, неспособность индивида варьировать свою речь в зависимости от условий общения, приверженность лишь одному коду (или субкоду) воспринимаются как аномалия и могут приводить к коммуникативным конфликтам.

Переключение кодов следует отличать от таких явлений, как *заимствование* языковых единиц и их *вкрапление* в речь.

Переключаясь на другой код (например, на иной язык), говорящий использует его элементы в полном соответствии с фонетическими, грамматическими и иными свойствами этих элементов. При заимствовании слово или какая-либо другая единица подчиняется (хотя бы частично) фонетике и грамматике заимствующего языка. При вкраплении сохраняется иносистемный облик вкрапливаемого элемента, но этот элемент употребляется в некоем “застывшем” виде, не изменяясь в соответствии со словоизменительными моделями или с моделями синтаксическими.

Поясним это на примерах.

Хрестоматийный пример переключения кодов — смена русского языка на французский (и обратно) в речи дворян — персонажей романа Л. Н. Толстого “Война и мир”. Общение и на русском, и на французском происходит в соответствии с нормами каждого из этих языков:

“Анна Павловна, увидев Пьера, тронула его пальцем за рукав.

— Attendez, j'ai des vues sur vous pour ce soir. — Она взглянула на Элен и улыбнулась ей.

— Ma bonne Héléne, il faut, que vous soyez charitable pour ma pauvre tante, qui a une adoration pour vous. Allez lui tenir compagnie pour 10 minutes. А чтоб вам не очень скучно было, вот вам милый граф, который не откажется за вами следовать” (Война и мир. Т. I. Ч. 3).

Когда те же герои, говоря по-русски, употребляют слова *граф, рескрипт, министр, политика, гвардия*, то перед на-

ми — заимствования, подчиняющиеся нормам русского языка: в них согласные смягчаются перед [e], гласные подвергаются редукции в безударном положении, существительные склоняются и имеют признаки определенного грамматического рода, глаголы спрягаются и т. д.

Примерами вкраплений могут быть обороты типа *se la vie (c'est la vie)*, латинские выражения *alter ego, terra incognita* и подобные им, а также отдельные иноязычные слова, которые употребляются в неизменном виде, хотя и могут связываться со словами окружающего контекста по моделям, “подсказанным” синтаксисом либо языка-источника, либо языка-реципиента, например:

“Фирма Rowenta <...> Великолепная вода от *Rowenta!*” (телевизионная реклама); “К тому же слух уже перестал удивляться и жадно реагировать на пышно-красочные пейзажи и музыкальную *nature morte*” (Б. В. Асафьев. “Книга о Стравинском”; фр. *nature* — женского рода, ср. вошедшее в русский язык слово *натюрморт*: оно мужского рода); “— Высыпьте на стол ваш табак, — сказал офицер *désolé* [огорченный]” (А. И. Герцен. “Былое и думы”; сохранен порядок слов, свойственный французскому языку, с постпозицией определения; по-русски было бы: *сказал огорченный офицер*); “Совершив предварительно *европейское shake hands*, он [Павел Петрович] три раза, по-русски, поцеловался с ним [племянником]...” (И. С. Тургенев. “Отцы и дети”; согласование по среднему роду подсказано русским аналогом английского словосочетания *shake hands* — рукопожатие).

Как мы видели, переключение кодов мотивировано; наряду с этим в речи билингвов часто встречается с м е ш е н и е кодов, когда переход от одного языка к другому не имеет мотивировки. Граница кодов может проходить даже внутри тесно связанного словосочетания, так что определение принадлежит одному языку, определяемое — другому, глагол одному языку (с соответствующей морфологией), а зависимые от него слова — другому и т. п. Вот начало цыганского фольклорного рассказа о графе Чёрном [Елоева, Русаков 1990: 54–55]:

Сыс граф Чёрный. Сыс ёв барвало, но сыс ёв страшно <...> Ёв сыс очень страшно. А сыс ёв барвало, ну, может, ёв сыс миллиардеро <...> И якэ приглашает лэс, значит, московско княгиня по бало. Граф Чёрный полэл депешо. “Вы немедленно севодня должны тэ

авэл к шести часам по балю”. Ну со ж, запрягает ёв тройка, выезжает по да балю <...> И выходит кокори княгиня Оболенско кэ ёв чокаться. “Князь Чёрный, севодня мой день ангела. Я задаю тебе вопрос: со кучедыр по свето сы, капитал или красота?”

Был граф Чёрный. Был он богатый, но был он страшный <...> Он был очень страшный. А был он богатый, ну, может, он был миллиардером <...> И вот приглашает его, значит, московская княгиня на бал. Граф Чёрный берет депешу. “Вы немедленно, сегодня должны прийти к шести часам на бал”. Ну что ж, запрягает он тройку, выезжает на этот бал <...> И выходит сама княгиня Оболенская к нему чокаться. “Князь Чёрный, сегодня мой день ангела. Я задаю тебе вопрос: что дороже на свете, капитал или красота?”

Основа текста — цыганская, часть русских вкрапленных — заимствования, оформленные в тексте в соответствии с цыганской морфологией, однако в нескольких случаях глагол и его актанты принадлежат разным языкам — например, при русском предикате *запрягает* субъект выражен цыганским местоимением, объект — русским заимствованием, но с цыганской морфологией (*-а* в *тройка* в данном случае правильный показатель аккузатива). В русском вводном выражении *ну что ж* местоимение *что* оказалось заменено цыганским *со*. В двух случаях здесь представлено оправданное переключение кодов — при цитировании русского текста записки и слов княгини, однако оба раза во второй половине этих фраз рассказчик сбивается на смешение русского и цыганского языков.

1.7. Интерференция

В речи билингва происходит взаимовлияние языков, которыми он пользуется. Это взаимовлияние касается как речи, так и языка и может проявляться в любых языковых подсистемах: в фонетике, в грамматике, в лексике. **Всякое воздействие одного языка билингва на другой, а также результат этого воздействия называется интерференцией.** Обычно под интерференцией понимают только неконтролируемые процессы, а сознательные заимствования к ней не относят.

Направление интерференции может быть различным. Наиболее частой является интерференция родного языка во второй, однако если второй язык становится основным, то и он может воздействовать на родной. Это легко заметить

по русской речи эмигрантов из России, проживших в иноязычной среде несколько лет.

Проницаемость разных подсистем языка различна и связана с направлением интерференции. В фонетической области интонация основного языка легко воздействует на интонацию родного дополнительного, а в системе фонем и фонотактике, как правило, ведущим оказывается влияние системы родного языка на вторые языки.

Фонологическая интерференция проявляется в трех аспектах. 1. *Недоразличение* фонем (например, снятие противопоставления по мягкости в парах типа *рад/ряд* в белорусском этнолекте русского языка). 2. *Сверхразличение* фонем (француз, например, может различать открытое и закрытое [e/ɛ] в русском). 3. *Реинтерпретация* фонологических различий (например, немцы склонны интерпретировать русское противопоставление глухих и звонких согласных как противопоставление сильных/слабых).

В последнем случае у русского монолингва создается впечатление, что немец путает глухие и звонкие. Вот как, например, Д. И. Фонвизин в “Недоросле” изображает речь немца Адама Адамовича Вральмана: *Расумнай шеловек никахта ефо [Митрофанушку] не сатерет, никахта з ним не саспорит; а он с умными лютыми не сфясыфайся, так и пудет плаготенствие Пожие*. Парные звонкие в большинстве случаев представлены здесь глухими, но в отдельных случаях (з *ним*) происходит озвончение глухих.

В области фонотактики наиболее сильно воздействует на второй язык тип редукции родного языка. Русские и немцы с трудом осваивают произношение конечных звонких согласных в английском. Лица с родным украинским языком, наоборот, переносят на русский привычную модель, сохраняющую звонкость согласного в конце слова и в середине перед глухим: *по[д]писать, са[д]* и т. п., в результате чего появляются минимальные пары типа *дедка/детка, дужка/душка*. Сходным образом во втором языке проявляется и свойственный родному языку тип редукции гласных. Русские часто склонны редуцировать безударные *о*-образные гласные во вторых языках, а “кавказский” акцент характеризуется, в частности, произнесением гласного *а* полного образования на месте русских безударных *о* и *а*. Болгарский бизнесмен, отвечая в телеинтервью на вопрос, с чего он начал свое дело, сообщил, что для начала он *накупил де-*

социальном контексте, и “нельзя вначале произвести анализ структурных соотношений внутри языковой системы, а потом обратиться к внешним факторам” [Там же]¹⁰.

С точки зрения функционирования языка в разных группах говорящих и сосуществования в одном языковом сообществе различных норм и систем ценностей интересно исследование У. Лабовом вопроса о влиянии социальной мобильности на речь носителей современного американского варианта английского языка [Labov 1966a].

Согласно результатам этого исследования, та часть населения, которая социально движется “снизу вверх” (из низших слоев в высшие), “воспринимает нормы внешней референтной группы — как правило, нормы группы, более высокой по социальному уровню”. Те говорящие, которые “социально стабильны” (т. е. не покидают пределов слоя, к которому принадлежат), обнаруживают тенденцию к тому, чтобы придерживаться своих собственных языковых норм, “более точно — к достижению некоего баланса собственных и внешних норм, который находит себе отражение в речевой практике, лишенной значительных стилистических колебаний”. Наконец, носители языка, для которых характерно перемещение “сверху вниз” (в более низкие социальные слои), не воспринимают большую часть нормативных моделей, которые присущи этой, более низкой социальной среде.

Из своих наблюдений У. Лабов делает вывод, что в современном городе “языковая стратификация является отражением скорее систем социальных ценностей, чем систем социального существования”. Иначе говоря, в языковых различиях, обусловленных социальными различиями носителей языка, получает отражение не прямо и непосредственно различия в экономическом и социальном статусе групп говорящих, а различия в ценностной ориентации, присущей каждой такой группе.

¹⁰С этим утверждением американского исследователя перекликается давнее высказывание академика В. В. Виноградова: “Не следует думать, что законы развития языка, вытекающие из его общественной сущности, из его общественных функций, и законы, вытекающие из структуры языка, — это разные, взаимно не связанные закономерности как бы разных планов функционирования языка. На самом деле они взаимообусловлены и неразрывны” [Виноградов 1952: 33].

Сравнение двух кратко охарактеризованных концепций языковой эволюции выявляет некоторые их сходства и различия. Основное сходство заключается в том, что и та и другая школы социолингвистики исходят из представления о сложном характере взаимоотношений языка и общества, об отсутствии прямых аналогий и жестких зависимостей между социальными и языковыми процессами и структурами, о многоступенчатости влияния изменений, происходящих в обществе, на изменения в языке.

При этом для отечественной школы социолингвистики вплоть до конца XX в. было характерно преимущественное внимание к макропроцессам, происходящим в языке и в обществе, а многие представители американской социолингвистики (и в их числе У. Лабов) более склонны к анализу микропроцессов, которые характеризуют социальную и языковую жизнь сравнительно небольших человеческих групп (более подробно о различии макро- и микропроцессов в языке и языковой жизни социальных объединений см. в разделах “Макросоциолингвистика” и “Микросоциолингвистика” главы 4-й).

2.4. Смешение языков. Пиджины и креольские языки

Когда у потенциальных собеседников нет взаимопонятных средств общения, а коммуникативная задача относительно сложна и не может быть решена при помощи элементарных жестов, коммуниканты создают новое средство общения — вспомогательный смешанный язык с крайне ограниченным словарем и минимальной, неустоявшейся грамматикой. Языки такого типа, а также их возможные эволюционные продолжения — пиджины и креольские языки (креолы) — называют **контактными языками**, а исследующий их раздел лингвистики — **контактологией**, или — чаще — **креолистикой**.

Основы креолистики заложены еще в XIX в. Х. Шухардтом, однако как самостоятельное направление в лингвистике она стала развиваться лишь с 1950-х годов. Поскольку специфика контактных языков целиком обусловлена социальной ситуацией их возникновения и становления,

креолистика вошла составной частью в более широкую дисциплину — социолингвистику.

Наиболее элементарный контактный язык в специальной литературе обычно именуется жаргоном. В контексте общего курса социолингвистики термин *жаргон* в этом значении не очень удачен, поскольку в социальной диалектологии за ним закрепилось иное значение (как указывалось выше, также не всегда однозначное). Этот термин используют не все креолисты; иногда первая фаза развития контактного языка называется *препиджином* (т. е. “до-пиджином”), в других случаях любой вспомогательный язык называется пиджином, а начальная стадия его формирования, соответствующая жаргону в только что указанном смысле, именуется *ранним*, или *нестабильным*, *пиджином*. Во избежание двусмысленности мы будем называть начальный этап формирования контактного языка препиджином. Поскольку контактный язык в ходе своего становления выполняет однотипные функции элементарной коммуникации, а процесс его стабилизации континуален, в подходящих контекстах термин *пиджин* вполне естественно использовать в широком значении и говорить о функциях пиджина (подразумеваемая и стадию препиджина) и о стабилизации пиджина (т. е. о переходе препиджина в пиджин).

Этимология термина *пиджин* не до конца ясна, хотя обычно считается, что он восходит к китайскому восприятию английского слова *business*; впервые он зафиксирован в 1807 г. в применении к англо-китайскому пиджину (орфографически — *pijeon*); другой термин, использовавшийся в сходном значении, — *лингва-франка*¹¹.

2.4.1. Зарождение контактного языка

Контактный язык никогда не создается намеренно, он является результатом неудавшейся попытки выучить язык партнера по коммуникации. Препиджин возникает как компромисс между плохо усвоенным вторым языком начинаю-

¹¹ В современной социолингвистической литературе этим термином обозначается любой неродной для коммуникантов язык-посредник, например английский, санскрит или хинди, используемый для достижения взаимопонимания ассамцами и бенгальцами. Сам термин *лингва-франка* (“язык франков”, т. е. европейцев) первоначально обозначал средневековый пиджин Средиземноморья, иначе называвшийся *сабир*.

щих билингов и “регистром для иностранца”, который создается теми, для кого этот язык является родным. Выбор языка, на базе которого формируется препиджин, определяется сугубо прагматическими причинами: основой его становится тот язык, редуцированная форма которого по тем или иным причинам оказывается более эффективной для коммуникации. В результате большая часть лексики пиджина обычно восходит к одному из контактирующих языков; такой язык в креолистике называется **лексификатором**.

Препиджин имеет узкую коммуникативную направленность, поэтому словарь его ограничивается несколькими сотнями единиц, а грамматическая структура крайне примитивна; грамматическая семантика при необходимости может передаваться лексическими средствами. И лексический состав, и грамматика препиджина отличаются нестабильностью; его фонетика максимально приближена к нормам родных языков говорящих.

Чем более регулярный характер имеют контакты, чем более постоянен круг тех, кто прибегает к услугам препиджина, тем выше вероятность стабилизации его словарного состава и грамматической структуры, превращения в стабильный пиджин.

Часто говорится, что пиджин (в широком смысле) “может возникнуть по случаю, даже за несколько часов — если критическая ситуация требует общения с минимальным уровнем понимания” [Hall 1962: 152]; например, в ситуации, когда “ньюйоркцы покупают солнечные очки в Лиссабоне” [Holm 1988: 5]. Это не вполне верно: о препиджине можно говорить лишь тогда, когда ситуация общения повторяется в каких-то своих существенных чертах хотя бы для одной из коммуницирующих сторон — например, если португальцы, продавая очки разным иностранцам, общаются с ними на смеси португальского и английского языков (при этом степень владения английским языком покупателями может быть различной). Не следует думать, что в структуре препиджина все случайно и непостоянно: препиджин — это скорее некоторая макросистема, в которой заданы предельные границы колебаний тех или иных языковых подсистем — фонетики, порядка слов, семантических возможностей служебных и знаменательных единиц и т. п. Носителям препиджина интуитивно знакомы эти пределы, и в ситуации общения они взаимно сближают собственные

препиджинные идиолекты, отличающиеся меньшим диапазоном вариативности, чем препиджин в целом.

Для языков с непрерывной историей, которыми традиционно занималась лингвистика, основными формообразующими факторами являются территориальные и социальные. На начальных стадиях формирования контактного языка значение их отступает на второй план. Ведущая роль здесь принадлежит этническому фактору, точнее, родному языку билингва, используемому (пре)пиджин в качестве вспомогательного языка. Каждый идиолект контактного языка обладает некоторой стабильностью уже на стадии препиджина; гарантом этой относительной стабильности служат неосознаваемые представления индивида о структуре человеческого языка, наличие и сущность которых обуславливаются его языковыми навыками. У лиц с одним и тем же родным языком эти навыки довольно близки, поэтому (пре)пиджинные идиолекты группируются в этнолекты в соответствии с родными языками индивидов: к одному этнолекту относятся контактные языки тех индивидов, которые имеют общий родной язык. Унифицирующим фактором в пределах этнолекта служит однотипная интерференция родного языка, проявляющаяся на всех уровнях.

Поскольку функциональное назначение пиджина — поддержание коммуникации между носителями его различных этнолектов, его история представляет собой решение извечного языкового конфликта между говорящим и слушающим. Говорящий консервативен и не заинтересован в каком бы то ни было изменении собственных языковых навыков (а они определяются в первую очередь родным языком), однако он вынужден идти на компромисс со слушающим, чтобы быть понятым адекватно. В каждом акте коммуникации говорящий и слушающий постоянно меняются ролями и достигают некоторого ситуативного “языкового консенсуса”. Вступая в новые коммуникативные акты, каждый индивид корректирует свой идиолект в соответствии с языковыми требованиями нового коммуниканта. При постоянстве контингента лиц, пользующихся контактным языком, начинается его унификация. С расширением функций контактного языка и детализацией передаваемой при его помощи информации по необходимости усиливается взаимная конвергенция идиолектов коммуникантов.

Итак, процесс стабилизации и перехода препиджина в пиджин представляет собой взаимное сближение этнолектов, в ходе которого в пределах каждого из них унифицируются идиолекты. Направление этого сближения определяется численностью и, что важнее, социальным положением носителей отдельных этнолектов. Результатом взаимного сближения этнолектов является достаточно стабильный узальный стандарт, впрочем, этнолектные различия в пределах этого стандарта обычно сохраняются и во вполне развитых пиджинах.

Если контингент говорящих на препиджине непостоянен, а потребность в его использовании возникает лишь от случая к случаю, он не достигает стабилизации и редко может существовать длительное время. На протяжении человеческой истории такие препиджины должны были возникать тысячи раз, но, поскольку от них не сохранилось никаких следов, они остались неизвестными науке.

2.4.2. Типы пиджинов и их эволюция

На ранних ступенях эволюции пиджины обслуживают минимальные потребности в тематически ограниченной коммуникации. В традиционном обществе чаще всего они возникают из потребностей торговли, но иногда используются и с более широкими коммуникативными задачами. Следует подчеркнуть, что при многогранных межэтнических взаимоотношениях пиджины не возникают: в этом случае развивается двуязычие. Существование торговых пиджинов отмечалось во всех частях света (некоторые подробности о русско-норвежском торговом пиджине см. ниже).

Менее специализированные пиджины встречаются реже. К их числу относится самый старый из известных пиджинов на европейской (южнороманской) лексической базе — уже упоминавшийся средиземноморский сабир, использовавшийся, по крайней мере с XII в., в контактах европейцев с арабами, позднее и турками.

Из неевропейских пиджинов многоцелевого назначения наибольшего внимания заслуживает так называемый чинукский жаргон — европейцам он стал известен с 1830-х годов, но возник заведомо раньше. Первоначальный район его распространения — низовья р. Колумбии, но позднее он широко использовался на пестрой в языковом отношении

территории от Калифорнии до Аляски. Им пользовались носители не всегда родственных, но структурно близких индейских языков, поэтому типологически он достаточно маркирован; в фонологической системе, например, присутствуют поствелярные согласные и глоттализированные смычные. В XIX — первой половине XX в. он был хорошо известен лицам европейского происхождения; канадские рыбаки, например, использовали иногда чинукский жаргон при радиопереговорах с целью сохранить важную информацию в секрете от рыбаков-японцев.

Большинство пиджинов характеризуются почти полным отсутствием морфологии, но если они функционируют в среде типологически и материально близких между собой языков, то морфология может быть достаточно выраженной. Так, некоторые пиджины на основе языков банту сохранили довольно значительные элементы системы классного согласования; наиболее известный из этих языков — шаба-суахили, распространенный на юго-востоке Заира. (Разумеется, среди носителей родственных языков нужда в пиджине и возможность создания именно пиджина, а не койне возникает только при отсутствии взаимопонимания.) В условиях банту-европейских контактов в Натале возник пиджин фанагало (вероятно, в 1840-х годах). Его словарь на 70% восходит к языкам банту: в первую очередь к зулу, в меньшей степени — к коса. Около четверти лексики имеет английское происхождение, остальное — из языка африканс. Здесь классное согласование не сохранилось, но аффиксация для пиджина довольно богатая: например, множественное число образуется с помощью префикса *ma-*: *skatul* 'ботинок' — *maskatul* 'ботинки', имеются глагольные суффиксы каузатива, пассива, прошедшего времени.

В литературе по контактологии в числе пиджинов нередко упоминаются такие вспомогательные средства межэтнической коммуникации, как жестовые языки слышащих. При отсутствии взаимопонятной коммуникативной системы собеседники всегда начинают с использования иконичных жестов, но обычно они предпочитают как можно быстрее построить звуковой способ общения (жестикуляция надолго остается важным вспомогательным средством, дополняя складывающийся препиджин). Однако, по крайней мере в двух регионах, для межэтнического общения широко применялись развитые жестовые языки: среди индейцев се-

вероамериканских прерий и у австралийских аборигенов. В первом случае использовался единый жестовый язык на всем Среднем Западе США; в конце XIX в. им владели около 100 тыс. представителей различных племен. На территории Австралии функционировало несколько жестовых языков, каждый из которых объединял этнические группы, говорившие на взаимонепонятных языках. Австралийские жестовые языки в функциональном отношении не уступали звуковым, поскольку широко использовались и при внутриэтнической коммуникации (в частности, во время длительных инициационных обрядов и периода траура для вдов, длившегося до года и более).

Полное отсутствие каких-либо сведений по истории этих языков, а также специфический характер незвуковой коммуникации вообще, не позволяют подробно останавливаться на них.

Развитие техники мореплавания в начале Нового времени и последующая европейская колониальная экспансия привели к закреплению за пиджинами новых функций. Так называемые морские пиджины распространились в пунктах стоянки судов, совершавших трансокеанские плавания. Вскоре во многих таких пунктах возникли укрепленные поселения европейцев. На Атлантическом побережье Африки главная цель таких поселений была в захвате или покупке рабов, в Южной и Юго-Восточной Азии они преследовали в основном торговые цели. Первыми заокеанскую экспансию начали португальцы и испанцы, затем — англичане, французы, голландцы, иногда сменяя предшественников в одних и тех же пунктах. В ходе контактов с местным населением в XVI—XVII вв. возникали пиджины на основе соответствующих европейских языков. Эти или сходные пиджины использовались при работоторговле, а затем на плантациях в Новом Свете. Самостоятельная группа пиджинов на основе французского языка возникла на ранее не обитаемых островах Индийского океана, где с XVIII в. было организовано плантационное хозяйство.

Непосредственных данных о пиджинах этого периода нет, и то немногое, что о них удастся установить, реконструируется по материалам продолжающих их традицию более поздних стадий развития контактных языков.

С начала XIX в. морской пиджин *бичламар* (на английской основе) распространяется на островах Океании. Пер-

воначально он использовался в местах стоянок китобоев, затем — при заготовке сандалового дерева, ловле трепангов и т. п. К середине XIX в. команды в значительной мере комплектовались из матросов-океанийцев, так что пиджин использовался и на самих судах. С 1860-х годов начинается развитие плантационного хозяйства в Квинсленде (Австралия) и на некоторых островах Океании. В качестве рабочей силы использовались законтрактованные меланезийцы, достаточно хорошо знакомые с бичламаром, поэтому он становится рабочим языком плантаций. После окончания контракта бывшие рабочие стали широко применять его в межэтнических контактах на родине. Таким образом, с конца XIX в. в юго-западной Океании начинают независимо развиваться четыре потомка бичламара: *ток-писин* (на Новой Гвинее), *бислама* (на Новых Гебридах, сейчас Республика Вануату), пиджин Соломоновых Островов и *брокен* (на о-вах Торресова пролива¹²).

В условиях колониального управления бывали и другие пути возникновения пиджинов. В британской колонии Папуа многоязычные полицейские силы использовали пиджин на основе австронезийского языка моту. Вскоре “полицейский моту” (сейчас он называется *хири-моту*) превратился здесь в основной язык межэтнического общения, а в ходе получения независимости Папуа — Новой Гвинеей этот пиджин стал даже символом борьбы сепаратистов за отделение Папуа.

Итак, стабилизировавшиеся пиджины представляют собой вспомогательные языки, располагающие устоявшимся, однако ограниченным словарем. Эти языки не имеют собственной этнической или социальной базы: для какого-либо ребенка пиджин может оказаться первым по времени усвоения, но он не остается единственно известным или основным языком общения, поскольку не располагает возможностями выполнять все те функции, которые предъявляются к языку обществом, в котором пиджин используется¹³. В отношении словаря пиджин часто основывается на каком-то одном языке, однако его грамматическая структу-

¹² Жители о-вов Торресова пролива не работали на плантациях; бичламар широко распространился здесь благодаря ловцам жемчуга.

¹³ Функциональная ограниченность, вообще говоря, не свидетельствует о принципиальной неспособности языка выполнять все общественно необходимые коммуникативные функции.

ра отличается от языка-лексификатора; степень взаимопонимания между пиджином и лексификатором может быть невелика. Со стороны тех, для кого язык-лексификатор является родным, пиджин требует специального изучения. Однако последние, даже если они придерживаются стандарта пиджина в фонетике и грамматике, склонны при необходимости включать в текст на пиджине любую лексику из своего родного языка, оформляя ее “под пиджин”, ср. подчеркнутые слова в записи текста на русско-китайском пиджине (говорит русский, расхваливающий продаваемую китайцу шубу): *Его сота рубли купеза давай; его хаохаоды ю, да дады ю; полтора года таскай, ломай не могу; его замерзни мею.* ‘За нее [шубу] торговцы 100 рублей давали; она очень хороша, большая; полтора года проносишь — не порвется; в ней не замерзнешь’.

Структурные черты, свойственные всем пиджинам, имеют самый общий характер: простота состава фонем и правил их реализации в речи, слабо выраженная морфология, неглубокий синтаксис.

По-видимому, существуют универсалии расширения семантики при пиджинизации. Например, утрачивается противопоставление глаголов типа ‘смотреть’ — ‘видеть’ или ‘сказать’ — ‘говорить’. Подобная лексическая “бедность” может сохраняться и на поздних стадиях развития контактного языка (разумеется, компенсируясь какими-то другими языковыми средствами); так, английским глаголам *say—tell—speak—talk* в ток-писине соответствуют только *tok* и *spik*. Еще одна универсальная особенность лексики пиджинов, проявляющаяся и в происходящих из них креольских языках, — образование антонимичных прилагательных при помощи отрицания, ср. ‘плохой’: ток-писин *nogut*, сранан *no bun* (букв. *не-хороший*), ‘тупой’: ток-писин *nosap*, гаит. *pa file* (букв. *не-острый*).

Значение многих лексических единиц с точки зрения языка-лексификатора может строиться с неожиданной метафорикой, а в пиджинах, возникавших в условиях социального неравенства, часты явно пейоративные семантические переходы (в самом пиджине в данном случае пейоративность не ощущается). Ср. в ток-писине: *banis* (< *fence*) ‘забор; ребра’, *klok* (< *clock*) ‘часы; сердце’, *masta* (< *master*) ‘европеец’, *misis* (< *missis*) ‘европейка’, *meri* (< *Mary*) ‘меланезийка’, *manki* (< *monkey*) ‘мальчик-меланезец’ (европей-

ский мальчик будет обозначаться *liklik masta* ‘маленький ма-ста’).

Возможность стабилизации пиджина в значительной степени зависит от социальной и демографической ситуации среди его носителей. Как уже говорилось, лексически пиджин обычно строится на базе одного языка, причем в большинстве случаев он является целевым¹⁴ для тех, кто им не владеет. При достаточно большом числе носителей языка-лексификатора и отсутствии социальных барьеров между ними и остальными носителями складывающегося пиджина шансы на стабилизацию контактного языка невелики.

Формирующийся и даже стабилизовавшийся пиджин обычно считают испорченной разновидностью лексификатора: ломаным английским, испорченным французским и т. п., особенно те, кто хорошо владеет языком-лексификатором. Последняя категория говорящих на пиджине не только не видит нужды в его стабилизации, но и плохо подготовлена к такому исходу психологически. Эти лица и являются основным “дестабилизирующим фактором” не только складывающегося пиджина, но и более поздних этапов эволюции контактного языка. Они не образуют особой очерчиваемой группы в составе своего этноса; пиджин можно считать в какой-то степени пассивно известным даже тем носителям языка-лексификатора, которые и не подозревают о самом существовании пиджина. Те же, кто вынужден затрачивать специальные усилия для усвоения этого контактного языка, заинтересованы в его быстрейшей стабилизации.

Как только препиджин начинают использовать для общения между собой представители двух и более языковых групп, каждая из которых не владеет языком-лексификатором, он получает хорошие шансы на стабилизацию и превращение в пиджин. Иногда даже утверждается, что это единственный путь стабилизации пиджина, но факты говорят об обратном.

Русско-китайский пиджин, зародившийся во второй четверти XVIII в., первоначально использовался китайскими и русскими купцами в пограничных городах — русской Кяхте и китайском Маймачине¹⁵, поэтому и именовался

¹⁴ Целевой язык (англ. *target language*) — язык, которым индивид стремится овладеть.

¹⁵ Современный Алтанбулак на монгольско-российской границе.

кяхтинским, или маймачинским, языком. Со второй половины XIX в. на Дальнем Востоке получил распространение другой вариант этого пиджина, использовавшийся русскими при общении с китайскими сезонными рабочими, а в Маньчжурии — с местным населением. В меньшей степени этот пиджин обслуживал контакты русских с монголами, а позднее с нанайцами, удэгейцами, корейцами, но никогда не применялся в контактах различных нерусских групп между собой. В большинстве русских идиолектов этот пиджин не отличался единообразием, но китайский этнолект был относительно стабилен уже в середине XIX в. Совершенно аналогично дело обстояло с китайским *пиджин-инглиш*, который использовался в прибрежной торговле на юге Китая.

Причина такой необычной стабилизации в обоих случаях заключается в том, что китайские этнолекты обоих пиджинов были в известном смысле нормированы: в Китае издавались учебные словари и разговорники этих пиджинов. Авторы соответствующих пособий выдавали изучаемые языки за нормативный русский и английский (трудно сказать, всегда ли при этом они были искренни). Китайские купцы, отправлявшиеся на границу торговать с русскими, были даже обязаны сдать экзамен на знание “русского” языка.

“Полицейский моту” стабилизировался также по довольно специфическим причинам: патрульная полицейская служба формировалась из представителей различных этнических групп, однако Порт-Морсби, административный центр Папуа, был на этнической территории моту, и складывавшийся пиджин должен был находиться под их дестабилизационным влиянием. Однако моту, традиционно предпринимавшие торговые экспедиции за сотни миль, привыкли пользоваться двумя торговыми пиджинами, кроме того, при общении с соседями они традиционно пользовались упрощенным кодом, который и послужил основой полицейского моту. Изучения своего подлинного языка чужаками они не поощряли еще в 1920-е годы¹⁶.

¹⁶ Миссионер У. Лоуэс, прожив среди моту несколько лет и сделав первые переводы из Священного Писания, позднее узнал от своего сына, что выученный им язык оказался лишь упрощенной формой моту, которую те употребляли в общении с иноплеменниками, но никогда не использовали во внутриаэтнической коммуникации.

Возможна и такая ситуация, что при контакте двух этнических групп каждая пользуется собственным пиджином. Так обстоит дело на о-вах Фиджи, куда с конца XIX в. в качестве плантационных рабочих завозили индийцев. Там возникло два пиджина: один на фиджийской основе, другой — на основе сложившегося здесь местного варианта хиндустани. При межэтнических контактах индийцы обычно пользовались первым из них, а фиджийцы — вторым. Вероятно, ведущим обстоятельством, способствовавшим стабилизации обоих пиджинов, было то, что они использовались параллельно. Для индийского пиджина важным оказалось и то, что индийская община была многоязычной и хиндустани для многих был вторым языком (впрочем, внутри индийской общины пиджин-хиндустани практически не использовался). На стабилизации пиджин-фиджи не могло не сказаться то обстоятельство, что в традиционном фиджийском обществе существовала традиция общения с иностранцами на особом упрощенном коде.

В редких случаях при двустороннем контакте может возникнуть пиджин, лексически достаточно удаленный от родных языков обеих групп. Это также способствует стабилизации пиджина. Образец такого пиджина — русско-норвежский пиджин, наиболее известный под именем *руссенорск*, на истории формирования и функционирования которого остановимся чуть подробнее.

Этот пиджин использовался при межэтническом общении торговцев, рыбаков и моряков в бассейне Баренцева моря, в первую очередь в ходе меновой торговли между русскими поморами и норвежцами Варангер-фьорда. Он назывался также *моя-по-твоя* (что может быть переведено как 'я [говорю] по-твоему') и *как-спрэк* (букв.: 'что говоришь?' или 'что сказал?').

Торговые контакты между русскими и норвежцами восходят еще к новгородской эпохе; с конца XVIII в. они заметно расширяются и становятся все более интенсивными вплоть до закрытия границы после революции 1917 г. Первое упоминание о существовании здесь особого пиджина относится к 1812–1814 гг., хотя косвенные свидетельства можно найти и в предшествующие десятилетия. Общее число известных текстов на руссенорске невелико, в основном это записи диалогов, отдельных фраз и слов, сделанные непрофессионалами. Подавляющее большинство текстов

записано норвежцами; тем самым русский этнолект диалогических реплик, приписываемых русским, предстает через призму его норвежского восприятия.

О фонетике руссенорска сказать можно немного, однако есть основания считать, что существовала заметная межэтнолектная унификация: норвежские передние огубленные гласные заменялись задними, гортанное [h] давало, в соответствии с русской традицией, [g] (ср. ниже в тексте, норвежский этнолект: *gaf* при норв. *hav* 'море'). Очень вероятно, что в русском этнолекте в словах русского происхождения [x] заменялось на [k].

В лексическом отношении руссенорск отличается от многих других пиджинов тремя взаимосвязанными особенностями. Во-первых, это наличие двух почти равноправных языков-лексификаторов: из примерно 400 известных единиц его словаря около половины восходит к норвежскому и около трети — к русскому. Есть сведения, что русские считали этот язык норвежским, а норвежцы — русским. Во-вторых, наличие десятков синонимических дублетов разного происхождения; по существу, можно говорить об одной сложной лексической единице, имеющей два плана выражения: *skasi/sprækam* 'говорить, сказать', *balduska/kvejta* 'палтус', *musik/man* 'мужчина', *ras¹⁷/dag* 'день', *eta/den* 'этот', *njet/ikke* 'не', *tvoja/ju* 'ты' и т. д. При этом имеется тенденция использовать русские по происхождению единицы в норвежском этнолекте, а норвежские — в русском. В-третьих, многие словарные единицы руссенорска имеют двойную этимологию, т. е. либо в равной степени возводятся к русскому и норвежскому этимону, либо, определенно восходя к одному из языков, имеют серьезную этимологическую поддержку в другом. При этом речь идет не только о широко распространенных интернационализмах типа *kaansul* 'консул', *kajuta* 'каюта', *vin* 'вино'. Двойную этимологию имеет наиболее частотное служебное слово руссенорска — предлог *po* (ср. рус. *по* и норв. *på* 'в, на, к'), столь же невозможно выбрать однозначный источник происхождения слова *kruski* 'кружка' (ср. норв. *krus*). В некоторых случаях слова руссенорска являются контаминацией русского и норвежского: *mangoli* 'много' (ср. норв. *mange* 'много' и рус.

¹⁷ Восходит к русскому *раз* (ср. *stara ras* 'вчера').

много ли)¹⁸, *ljugot* 'врать' (ср. норв. *lyve* и рус. *лгать*). В ряде случаев происхождение каждого из дублетов очевидно, но в другом языке имеется вполне очевидная этимологическая поддержка: *dobra/bra* 'хороший', *tovara/vara* 'товар' (ср. норв. *bra*, *vare*, значения те же).

Можно думать, что лексическая дублетность руссенорска не случайна. Точно такая же картина наблюдается в русско-китайском пиджине, где дублируются местоимения, числительные, *y/esi* 'есть', *мию/нету* 'нет', ряд частотных знаменательных слов; имеется стойкая тенденция к распределению дублетов по этнолектам, китайцы почти не пользуются лексикой, восходящей к китайским этимонам, а те русские, которые достаточно хорошо владеют пиджином, предпочитают, по возможности, слова китайского происхождения. Ср. такой обмен репликами на базаре: (Русский): *Тунтун игэян?* '[Цена за] всё одинаковая?' — (Китаец): *Адинака!* 'Одинаковая!'. Вероятно, в этих случаях действовал своеобразный принцип вежливости "моя-по-твоя", признание социального партнерства.

Несколько десятков лексических единиц руссенорска восходит или к английскому и нижненемецким диалектам, или же к другим местным языкам — шведскому, финскому, саамскому. Наличие лексики первой группы вполне естественно: это "морские" интернационализмы, хорошо известные всем, кто связан с морем; вероятно, и попали они в руссенорск через посредство морских жаргонов.

Появление же заимствований из "сухопутных" (по крайней мере, в условиях контактов на Баренцевом море) языков — пусть и косвенный, но веский аргумент в пользу существования в этом районе отличных от руссенорска его "сухопутных" предшественников, известных норвежцам и/или русским.

Порядок членов предложения в руссенорске допускает колебания, но наиболее обычным является постпозиция предиката. При переходном глаголе имеется сильная тенденция располагать члены предложения следующим образом: глагол занимает конечную позицию, слева к нему при-

¹⁸ В этом и в ряде других слов руссенорска конечное *-ли*, явно восходя к русскому показателю общего вопроса, не выделяется в качестве самостоятельной морфемы, ср.: *Mangoli ar moja njet smotrom tvoja!* 'Много лет тебя не видел!'; *Kak vara ju prodatti?* 'Какой товар продаешь?'; *Etta dorgli!* 'Это дорого!'.
¹⁹ В норвежском языке отрицание при глагольном сказуемом помещается непосредственно после личной формы глагола.

мыкает немаркированный прямой объект, следующую влево позицию занимает дативный объект с предлогом *ro*, еще левее располагаются темпоральные и локативные сирконстанты, также вводимые предлогом *ro*; подлежащее находится в максимально левой позиции, в начале предложения: *Moja paa dumosna grot djengi plati* 'Я заплатил много денег на таможне'; *Davaj paa moja skib kjai drikkom* 'Выпей чаю на моем корабле'.

Наиболее загадочной особенностью грамматики руссенорска является синтаксис отрицания. Показатель отрицания *njet/ikke* располагается перед тем словом, к которому оно относится, в целом повторяя порядок русского и норвежского; имеется, однако, одно серьезное исключение. В руссенорске различные актанты глагола (прямое дополнение, датив, подлежащее) могут помещаться между отрицанием и самим глаголом, что выглядит крайне необычно с точки зрения обоих языков-лексификаторов¹⁹: *Kor ju ikke paa moja mokka kladi?* 'Почему ты не принес мне муку?'; *Paa den dag ikke Russefolk arbej.* 'В этот день русские не работают'. Происхождение этой особенности, возможно, следует искать в финском языке, где аналогичный синтаксис при отрицании вполне обычен.

Соотношение руссенорска с языками-лексификаторами наглядно иллюстрируется следующим диалогом [Broch 1930]:

Русский	Руссенорск	Норвежский
— Здравствуй, мой старый хороший друг!	— Drasvi, gammel go ven på moja!	— Goddag, min gamle gode ven!
— Сколько дней ты шёл сюда из Архангельска?	— Nogoli dag tvoja reisa på Arkangel otsuda?	— Hvor mange dage har du brukt på reisen fra Arkangel hertil?
— Три недели, был сильный шторм.	— Tri vegel, grot storm.	— Tre uker, meget storm.
— Сильный шторм на море.	— Grot stoka på gaf.	— Sterk storm på sjøen.
— Где ты останавливался?	— Koda tvoja stan-op?	— Hvor har du stoppet op?
— Я три дня пробыл у мадам Клерк [в Элвенесе].	— Ja på madam Klerk tri daga ligge ne.	— Jeg har ligget po Elvenes i Sydvaranger (fru Klerks eiendom) i tre dage.

– Ты купишь рыбу?	– Tvoja fisk kopom?	– Kjøper du fisk?
– Да.	– Da.	– Ja.
– Какая твоя цена?	– Kak pris?	– Hvilken pris?
– Один вес муки за два веса трески.	– En voga mokka, så to voga treska.	– En vog mel, så to vog torsk.
– Это мало.	– Eta mala.	– Det er litet.
– Ладно, полтора веса трески за вес муки.	– Slik slag, en å en halv voga treska, så en voga mokka.	– Slik slag (det er det samme), en og en halv vog torsk, so en vog mel.
– Это очень дорого.	– Eta grot djur.	– Det er meget dyrt.
– Ну, давай посидим в каюте и маленько чайку попьем, не вредит.	– No davaj på kajut sitte ne, så nokka lite tjai drinkom, ikke skade.	– Kom og sit ned i kahytten og drik litt te, det skader ikke.

2.4.3. Становление развитых контактных языков

В определенной ситуации пиджин может стать единственным языком социума, члены которого достаточно тесно связаны между собой, и начать обслуживать все коммуникативные потребности этого социума, в частности использоваться как язык семейного общения. При этом пиджин становится родным, а часто и единственным языком нового поколения. Этот процесс называется **нативизацией** (от англ. *native* ‘родной’), или **креолизацией**, пиджина, а новая ступень развития контактного языка — **креолом**, или **креольским языком**. Термин *креол* восходит к возникшему в Бразилии португальскому *crioulo*, первоначально обозначавшему африканского раба, родившегося в Америке.

Пиджины могли креолизироваться в разных социальных условиях: в метисных (смешанных) семьях, возникавших в береговых европейских укреплениях, на плантациях, а также среди беглых рабов (марунов), возрождавших традиционную африканскую культуру в условиях Нового Света. Многие креолисты полагают, что нативизация могла происходить еще до того, как пиджин стабилизировался, т. е. на стадии препиджина.

С расширением функций контактного языка увеличивается его словарный состав, усложняются фонетическая и грамматическая структуры. В разных типах креолов этот процесс имел свою специфику. Креолы, возникавшие в фортах, подвергались большему влиянию языка-лексификатора. В языках марунов при расширении словарного состава

ва и усложнении грамматических средств, наоборот, сильнее всего проявлялся африканский субстрат. В условиях плантационного рабовладения контактный язык быстро становился языком семьи. Параллельно с существованием балансировавшего на грани стандартизации пиджина и все новых препиджинных идиолектов в каждом районе плантационного хозяйства возникали собственные креольские разновидности контактного языка. Это привело к тому, что современные англо-креольские языки Карибии, восходя в конечном счете к общему пиджину, часто имеют различный африканский субстрат (на Ямайке, например, это в первую очередь йоруба и тви, в Суринаме — киконго). Рассмотрим чуть более детально историю формирования креольских языков Суринама.

С конца XVI в. побережье современного Суринама, как и всей Гвианы, было ареной соперничества голландцев, англичан и французов. В 1651 г. здесь закрепляются англичане (плантаторы вместе со своими рабами перебираются в основном с Барбадоса), но в 1667 г. Суринам переходит к Нидерландам, колонией которых он и оставался до 1975 г.

Для языкового будущего страны важнейшим периодом оказалась вторая половина XVII в. С переходом Суринама к Нидерландам британские колонисты вместе со своими рабами постепенно выезжали на острова Вест-Индии, в первую очередь на Ямайку; одновременно увеличивался приток голландских поселенцев и новых рабов, но к 1671 г. “старые” рабы, ввезенные еще в британский Суринам, численно преобладали (1300 против 1200 новых). О контактных языках этого периода ничего не известно, но вполне логично считать, что в начале 1660-х годов здесь уже сложился достаточно устойчивый пиджин на английской основе, к которому в конечном счете восходит основной креольский язык Суринама — *сранан*²⁰. Окончательно этот и другие контактные языки Суринама складываются лишь в XVIII в. Ранее их стабилизации и креолизации препятствовал приток новых африканцев, пиджины которых, как привезенные с невольничьих рынков, так и недостаточно усвоенные местные разновидности, размывали складывавшийся стандарт.

²⁰ Сранан — родной языка для 1/3 населения Суринама и основной язык межэтнической коммуникации в стране.

Важным дестабилизирующим фактором был также контактный язык на португальской основе, привезенный рабами 200 плантаторов-евреев, изгнанных из Бразилии²¹. По некоторым данным, португальский креол *джу-тонго* ('еврейский язык') просуществовал в Суринаме до середины XIX в.

Под влиянием работорговли и английский, и португальский креолы Суринама формировались во взаимодействии. Наиболее интересным результатом этого процесса стал *сарамакка*, язык так называемых лесных негров (голланд. *bosnegers*), живущих сейчас в среднем течении р. Суринам (около 20 тыс. говорящих).

Происхождение племени сарамакка известно достаточно хорошо. Первые массовые побеги с побережья в джунгли происходили в 1690-х годах; именно тогда образовались кланы "лесных негров", названия которых (*мачау*, *кадосу*, *бишту*) восходят к фамилиям плантаторов еврейско-бразильского происхождения (Machado, Cardoso, Britto). К 1710 г. формирование нового этноса в принципе завершилось: начался 50-летний период вооруженных столкновений "лесных негров" с войсками голландской колониальной администрации, когда освобожденные невольники с большой осторожностью относились к вновь прибывавшим, подозревая их в шпионаже в пользу властей. После заключения мира с голландцами (1762) сарамакканы обязались выдавать им всех будущих беглецов.

Наиболее правдоподобным представляется следующий сценарий становления языка сарамакка. Рабы, доставлявшиеся в Суринам в конце XVII в., пользовались английским пиджином с сильным влиянием африканского субстрата (голландцы вывозом рабов из Африки не занимались). Те из них, кто попадал на плантации с рабочим язы-

²¹ Еврейские плантаторы происходили из так называемой Новой Голландии, территории на северо-востоке Бразилии с центром в Морицстаде (совр. Ресифи), которую Нидерланды удерживали за собой в 1630–1654 гг. Евреи-марраны (внешне принявшие христианство) селились в Бразилии с 1580 г.; здесь они искали убежища, опасаясь религиозных преследований на Пиренейском полуострове. При голландской власти они открыто вернулись к иудаизму; тогда же сюда переехали многие евреи-сефарды, изгнанные из Испании и Португалии и нашедшие временный приют в итальянском г. Ливорно и в Нидерландах. С возвратом этих земель Португалии новые колонисты были вынуждены в трехмесячный срок покинуть страну. Они эмигрировали сначала в Кайену, а затем в Суринам (еще при британской власти, в 1664 г.).

ком джу-тонго, вынуждены были осваивать и его. В новой коммуникативной ситуации складывался новый пиджин, лексификаторами которого стали португальский креол и английский пиджин. Поскольку тенденция к побегу была особенно характерна для недавних невольников, именно этот язык и стал главным средством общения первых "лесных негров".

В результате основной словарный фонд языка сарамакка отличается сильной гетерогенностью: к португальскому восходит 37% его базового словаря, к английскому — 54%, вклад голландского и африканских языков — по 4%. Сарамакка содержит самый большой африканский языковой компонент из всех креолов Нового Света. В обиходной лексике насчитывается около 140 единиц, восходящих к киконго и чуть меньше — к эве (заметим, языки эти не родственны, и говорят на них в разных частях Африки, разделенных тысячами километров). Именно из районов распространения этих языков происходят 2/3 невольников, попавших в Суринам к началу XVIII в. Еще больше слов африканского происхождения в ритуальных языках, использующихся в местной культовой практике. Любопытно, что в сранане есть небольшой пласт слов древнееврейского происхождения — например, *trefu* 'пищевое табу', *kaseri* 'ритуально чистый' (ср. рус. *трефный*, *кошерный*); в сарамакканском соответствующие понятия выражаются единицами африканского происхождения. Это дополнительное свидетельство в пользу того, что во время побега общим языком рабов был пиджин, его лексическое обогащение и креолизация происходили уже в джунглях.

Сценарий возникновения языка сарамакка показывает, что становление креольских языков было сложным процессом, в котором от демографических и языковых характеристик тех, кто оказывался вовлечен в сферу их использования, зависело будущее самих языков: креолизовавшийся язык с уже стабильной грамматической структурой и богатым словарем часто подвергался декреолизации под воздействием пытавшегося усваивать его нового контингента говорящих, численно превосходившего сложившееся ранее креольское языковое сообщество. "Новые" начинающие билингвы могли и до этого владеть пиджином (или разными пиджинами), независимо возникшим на той же лексической основе, что и креольский язык, который они пытались

освоить. В результате складывался новый пиджин, который в дальнейшем креолизировался; такой процесс мог повторяться несколько раз.

Собственно лингвистической информацией по истории современных креолов мы практически никогда не располагаем, известны лишь некоторые этапы формирования креольского этноса и конечный продукт языковой эволюции — современный креол. Одну из самых сложных историй пережил *крио* (язык межэтнического общения в Сьерра-Леоне, родной для 500 тыс. человек). Район современного Фритауна с конца XVI в. часто посещали португальцы, в 1663 г. тут был основан английский форт; есть сведения, что в это время здесь использовались и португальский, и английский пиджины. К концу XVIII в. численность афро-европейских мулатов достигала 12 тыс. человек. В 1787—1792 гг. тремя партиями сюда было переселено около 2 тыс. бывших рабов, получивших свободу за участие на британской стороне в североамериканской войне за независимость. В 1800 г. к поселенцам добавились 550 марунов с Ямайки. После отмены работорговли в Великобритании (1807) сюда доставлялись все освобожденные английским флотом негры, незаконно переправлявшиеся через Атлантику. По переписи 1848 г., в Сьерра-Леоне среди 11 тыс. таких освобожденных африканцев было более 7 тыс. йоруба. Естественно, столь сложная этнодемографическая ситуация не могла не отражаться на языке Фритауна. С распространением к концу XIX в. *крио* в глубь материка (естественно, в форме пиджина) он подвергся влиянию местных языков менде, темне и ваи.

В сравнительно редких случаях в процесс выработки стандарта креольского языка включались и носители языка-лексификатора. Это происходило, когда определенная группа европейцев, “бедные белые”, оказывалась в территориальной изоляции от основной массы своих сородичей в метрополии и в социальной изоляции от колониальной рабовладельческой верхушки в колонии, находясь в то же время в постоянном бытовом контакте с носителями креола. Если такая европейская группа оказывалась численно сопоставима с креольской группой, результатом их коммуникативного взаимодействия является промежуточное койне, которое со временем становится родным для обоих языковых коллективов, даже если между ними не происходит значительной

метисации. Такой “полукреол” может быть относительно единообразным (как на Каймановых о-вах в Вест-Индии), в других случаях диалекты белых и креолов могут сохранять некоторое своеобразие (франко-креольский язык о. Реюньон в Индийском океане).

Промежуточная ситуация складывалась там, где большая часть европейцев была двуязычна и хорошо владела креолом, но социальный и культурный барьеры, отделявшие их от рабов и их потомков, были достаточно сильны. Общаясь лишь с домашними рабами, эти европейцы не могли влиять на общекреольский стандарт, при этом их собственный родной язык испытывал воздействие со стороны креола. Проводником такого влияния становились подрастающие поколения белых — подчас дети больше общались с няньками, слугами, сверстниками-рабами, чем с собственными родителями. Такое общение вело к диффузии между языковыми системами разных социальных слоев. Этот процесс оказал влияние на формирование некоторых региональных вариантов европейских языков (диалект белых в южных штатах США, луизианский французский, некоторые разновидности португальского языка Бразилии). Считается, что специфика языка африкаанс вырабатывалась в сходных условиях.

Анализ синхронного состояния подобных языковых образований часто не позволяет объективно оценить, с результатом какого из процессов мы имеем дело: со сближением креола с языком-лексификатором или же с размыванием нормы стандартного языка под воздействием креола. Недаром в истории креолистики большинство англо-креольских языков Карибии квалифицировалось как диалекты английского. К подобным языковым системам, о которых нельзя с уверенностью утверждать, что они прошли стандартный для креола путь развития, часто применяется термин *креолоид*.

Все контактные языки на базе английского, возникшие в бассейне Атлантического океана, взаимосвязаны, причем история их возникновения и непростой эволюции насчитывает всего несколько веков. Между тем отличия их друг от друга достаточно велики, что затрудняет или вовсе исключает взаимопонимание. Наглядное представление об этом дает перевод английской фразы *The dog of the man who lives in that house, is named King* ‘Собаку человека, который

живет в этом доме, зовут Кинг' на ряд атлантических контактных языков [Hancock 1987: 315]²²:

Сарамакка:	di dagu fu di womi dati di libi n' a wosu de a nē kiŋ
Сранан:	a dagu f' a man di libi n' ini a oso dati nen kiŋ
Гайанский:	a man wa liv a da hous dag neem kiŋ
Нигерийский пиджин:	di dɔg we na di man we liv fɔ da haus get am, i nem kiŋ
Крио:	di man we tap na da os dɔg nem kiŋ
Блэк-инглиш:	də mɛɛ lɛv in dæ? hæəs dɔɔg nɛi kiŋ
Галла:	di dag fə di man wa lɪβ iinə da hɔəs neem kiŋ
Ямайский:	di maan wa lib iina da hɔəs daag nyem kiŋ
Барбадосский:	di dɔg da? bilɔŋ tɔ di man da? liv in da? hɔəs, i neem kiŋ

Совершенно иная возможность для креолизации пиджинов возникла в связи с системой резерваций, получившей развитие в Северной Америке и Австралии. Когда в 1856 г. в Орегоне была образована резервация Гранд-Ронд, *чинукский жаргон* стал ведущим языком общения представителей 15 племен.

Сходным путем шла креолизация пиджина в северной территории Австралии. Он получил распространение в конце XIX в., оказавшись наиболее подходящим средством для решения новых коммуникативных задач: коренным австралийцам необходимо было поддерживать отношения не только с иммигрантами, но и с ранее мало или вообще неизвестными аборигенными группами, поскольку под европейским натиском многие племена были вынуждены перемещаться на новые территории. В 1909 г. в англиканской миссии Ропер-Ривер нашли убежище около 200 аборигенов — остатки восьми племен, сильно пострадавших от междоусобиц и преследований в предыдущие годы. Функциональное развитие этого пиджина наиболее интенсивно шло среди учащихся открывшейся здесь школы-интерната. После Второй мировой войны он начал креолизоваться. Сейчас этот новый язык, получивший название *криол* (Kriol), является основным средством общения примерно для 10 тыс. человек и

²² Сарамакка и сранан, как говорилось, распространены в Суринаме, гайанский — непосредственно к западу от них, в Гайяне (бывш. Британская Гвиана), ямайский и барбадосский — на соответствующих островах Вест-Индии; галла (англ. *Gullah*) — наиболее архаичный вариант блэк-инглиш, распространенный в первую очередь на прибрежных островах Северной и Южной Каролины; нигерийский пиджин и крио — на африканском берегу Атлантики.

функционирует в более чем 100 поселениях. Он стал использоваться в школьном обучении и в радиовещании.

Совершенно по-иному складывалась судьба пиджинов в Меланезии. На плантациях они расширяли свои функциональные возможности, однако смешанные браки были здесь скорее исключением; по возвращении на родину меланезийцы оказывались в традиционной этнической среде, и пиджин оставался для них вспомогательным языком. Но в этом качестве он получил неожиданно быстрое распространение. В решающий для ток-писина период Новая Гвинея находилась под германским управлением (1885—1914). Немецкая администрация и миссионеры активно пользовались этим языком.

В административных центрах пиджин постепенно становится основным языком общения, почти ни для кого не являясь родным. В результате такой эволюции эта разновидность контактного языка — *расширенный пиджин* — в функциональном отношении ничем принципиально не уступает языкам, прошедшим иной путь формирования. Такой процесс возможен только в многоязычном обществе при отсутствии традиционного языка-посредника. В форме ограниченного пиджина этот язык быстро распространялся и в не контролируемые колонизаторами районы: неоднократно отмечалось, что европейцы, проникая впервые во внутренние районы Новой Гвинеи, часто сталкивались с тем, что пиджин был там уже известен.

В последние годы нативизация ток-писина происходит и в сельской местности, причем это возможно даже в этнически однородной среде: у представителей народности мурик, издавна занимавшейся торговлей в низовьях р. Сепик, он вытеснил этнический язык, так как оказался очень удобным средством коммуникации с любыми торговыми партнерами²³.

²³ Отсутствие символической ценности у родного языка вполне естественно для папуасского торгового народа. В папуасском понимании предметом торговли могут быть такие элементы культуры, как орнамент, мелодия, танец, определенный тип прически, одежды и украшения. При этом во многих случаях продаются и покупаются не сами предметы, а право их изготовления. После того как «авторское право» на некоторый нематериальный объект приобретено, он расценивается как элемент собственной культуры. При таком подходе к культурным феноменам утрата этнического языка и смена его на другой, более удобный в коммуникативном отношении, не только не влечет ностальгии, но может рассматриваться как выгодная коммерческая сделка.

Эволюция контактного языка, характеризующаяся его постоянной стабилизацией, с одной стороны, лексическим и грамматическим расширением — с другой, идет непрерывно. Креолизация — дискретное явление: язык либо стал для кого-то родным, либо нет. Тем не менее основное разграничение между видами контактных языков приходится проводить в непрерывной, а не в дискретной области: препиджин и ранний пиджин и в социолингвистическом, и в структурном отношении качественно отличаются от расширенных пиджинов и креолов; первые — это вспомогательные языки ограниченного употребления, вторые не имеют принципиальных отличий от любых других естественных языков.

2.4.4. Контактный континуум

В ходе исторической эволюции контактные языки развивались как за счет внутренних ресурсов, так и под воздействием внешних влияний. Общности, пользовавшиеся контактными языками, редко оказывались в полной изоляции, но в течение длительного времени они испытывали влияние “верхнего социального барьера”. Поэтому владение европейскими языками, а стало быть и возможности воздействия последних через двуязычие самой контактной общности на новые языки были очень ограничены. Если это положение менялось, контактный язык начинал подвергаться влиянию занимавшего главенствующее положение европейского языка.

Когда европейский язык оказывался отличным от языка-лексификатора (голландский в Суринаме, английский на Тринидаде или Сейшельских о-вах), его влияние ограничивалось лексикой и отчасти синтаксисом. Но взаимодействие лексификатора и креола имело принципиально иные результаты: возникал так называемый посткреольский континуум.

Понятие *языкового континуума*, разработанное и широко использовавшееся в диалектологии, к креольским языкам впервые было применено Р. ДеКампом [DeCamp 1961: 82] при анализе соотношения англо-креольских языков Карибии и английского. Природа диалектного и контактного континуумов в корне различна: первый имеет пространственную (территориальную) мотивацию, второй — социальную. В каждой точке диалектного континуума имеется свое-

образный местный стандарт, выделить же какие-либо локальные стандарты на социальном пространстве контактного континуума затруднительно.

Посткреольский континуум развивается в большинстве тех ситуаций, когда в повседневном употреблении с креольским языком начинает конкурировать язык-лексификатор. Например, взаимопонимание между наиболее “ортодоксальным” вариантом гайанского креола и нормативным английским исключено. Но в реальной городской речи встречаются многочисленные промежуточные варианты, подчас мало напоминающие и нормативный английский, и “ортодоксальный” креол. Так, фраза *I gave him* ‘Я ему дал’ может иметь следующие варианты [O'Donnell, Todd 1980: 52]:

I		gave	him	a	did	gi	ii
a		geev	him	a	did	gi	ii
a		geev	im	a	di	gii	ii
a		geev	ii	mi	di	gi	hii
a		giv	him	mi	di	gii	ii
a		giv	im	mi	bin	gi	ii
a		giv	ii	mi	bin	gii	ii
a	did	giv	hii	mi	bin	gii	am
a	did	giv	ii	mi		gii	am

Простейшая модель описания посткреольского континуума была разработана У. Стюартом, предложившим различать наиболее удаленную от лексификатора разновидность креола (*базилект*) и наиболее близкую к нему (*акролект*) с серией промежуточных разновидностей (*мезолектов*) [Stewart 1965].

В ряде случаев вариативные черты континуума могут быть описаны через так называемые *импликативные шкалы*. К креольским языкам эта методика впервые применена ДеКампом [DeCamp 1971b].

Исследуя наличие отдельных акролектных и базилектных черт (в их противопоставлении) в различных идиолектах ямайцев, он выяснил, что подвергающиеся варьированию черты могут быть размещены на направленных от базилекта к акролекту осях таким образом, что идентификация одной черты в некотором идиолекте неминуемо влечет присутствие в нем всех других, расположенных ближе к на-

чалу оси, “более базилектных” черт. Таким импликационным соотношением связаны, например, следующие базилектно-акролектные лексические пары: 1) *nyam* — *eat* ‘есть’, 2) *nana* — *granny* ‘бабушка’, 3) *pikni* — *child* ‘ребенок’. Грамматические и фонетические особенности включаются в те же импликационные шкалы, что и лексика. Так, использование базилектного приглагольного отрицания *no ben* вместо акролектного *didn't* располагается на приведенном фрагменте шкалы между чертами 2 и 3, а замена акролектных межзубных смычных базилектными взрывными *t* и *d* — правее 3-й черты.

В отношении указанных черт идиолекты ямайцев могут быть распределены по семи типам от наиболее *акролектных*, т. е. близких к языку-лексификатору (1), до *базилектных*, т. е. наиболее удаленных от языка-лексификатора (7).

Тип идиолекта	Используемые языковые средства					
1	<i>eat</i>	<i>granny</i>	<i>didn't</i>	<i>child</i>	θ -t	δ -d
2	<i>eat</i>	<i>granny</i>	<i>didn't</i>	<i>child</i>	θ -t	δ -d
3	<i>eat</i>	<i>granny</i>	<i>didn't</i>	<i>child</i>	t	d
4	<i>eat</i>	<i>granny</i>	<i>didn't</i>	<i>pikni</i>	t	d
5	<i>eat</i>	<i>granny</i>	<i>no ben</i>	<i>pikni</i>	t	d
6	<i>eat</i>	<i>nana</i>	<i>no ben</i>	<i>pikni</i>	t	d
7	<i>nyam</i>	<i>nana</i>	<i>no ben</i>	<i>pikni</i>	t	d

Идиолектов, нарушающих рассмотренную импликационную закономерность, например таких, где одновременно используются лексемы *nyam*, *granny* и *child*, не существует.

Реально посткреольские социумы обычно диглосны. Языковая компетенция индивида складывается из владения оцениваемым более высоко “индивидуальным акролектом” и менее престижным “индивидуальным базилектом”, причем за ними закреплены социально разграниченные функции. Сами говорящие при этом могут не осознавать всей сложности языковой ситуации. Между тем посткреольские языковые ситуации представляют, вероятно, самый сложный объект социолингвистики. Одномерная континуальная модель их описания упрощает реальность, но как раз простота одномерной модели делает ее эффективным инструментом анализа, а всякая многомерная модель может рассматриваться как комбинация нескольких разнонаправлен-

ных одномерных континуумов, скажем, континуумов индивидуальных базилектов и акролектов.

Возможность возникновения и результаты развития таких континуумов не зависят от эволюционной стадии контактного языка: в подходящих социолингвистических условиях контактный континуум может развиваться из препиджина, различных вариантов пиджина и из креола. Примером постпрепиджинного континуума может служить так называемый гастарбайтер-дойч, немецкий язык рабочих — иммигрантов в ФРГ. Современный фиджийский этнолект индийцев на Фиджи представляет собой постпиджинный континуум. На Гавайях до недавнего времени сосуществовали во взаимодействии постпиджинный и посткреольский континуумы.

Для возникновения континуума необходимо, во-первых, чтобы носители контактного языка имели социальную мотивацию для освоения более престижного нормативного языка, идентичного или близкого к языку-лексификатору, а во-вторых, чтобы образцы такого целевого языка были им доступны. Результаты развития континуума зависят от степени мотивации овладения новой коммуникативной системой, от близости целевого языка к лексификатору, от доступности образцов, их фактической близости к целевому языку²⁴ и массы сопутствующих обстоятельств.

Креола и целевой язык первоначально представляют собой не варианты одной системы, а две очень различные системы, хотя в силу их лексической близости между ними существует некоторая степень взаимопонимания. На продвинутой стадии процесс декреолизации эквивалентен языковому изменению в диалекте или городском просторечии под влиянием заимствований из нормативного языка.

В начальной фазе развития континуума отдельные идиолекты начинают испытывать интерференционное воздействие престижного языка. Постепенно контактный язык поляризуется на базилектную и акролектную разновидности, каждая из которых продолжает сдвигаться в направлении целевого языка. Базилектные и акролектные разновидности декреолизуются неравномерно: спектр мезолектов может и сужаться, и расширяться:

²⁴ Целевым обычно бывает нормативный язык, в то время как доступными могут оказаться лишь сниженные разновидности (типа просторечия).

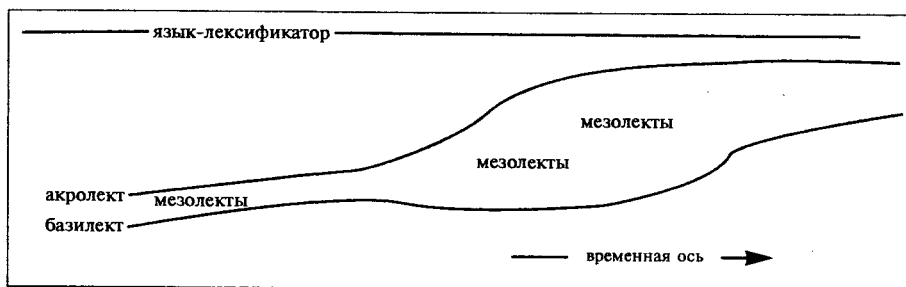

Схема изменений контактного языка во времени

Декреолизация может зайти достаточно далеко, и посткреольское состояние оказывается столь близким к языку-лексификатору, что его уже не вполне корректно рассматривать как самостоятельный, отличный от лексификатора, язык. По каким-либо социальным причинам декреолизация может приостановиться, вырабатывается своеобразный стандарт, обладающий для его носителей этнокультурной ценностью (например, *блэк-инглиш*, “диалект” афроамериканцев США). В этих случаях можно утверждать, что мотивация овладения суперстратным языком прекращается, он более не является целевым языком; имеется даже тенденция формировать стандарт на основе базилекта, чтобы отличия двух языковых образований были более рельефны.

Целевой язык при развитии контактного континуума и лексификатор, на базе которого некогда формировался пиджин, почти никогда не бывают идентичны. В процессе пиджинизации моделью обычно служат просторечные социолекты, жаргон моряков²⁵ и т. п. Акролект же в своем развитии ориентируется на более престижные нормированные коды.

2.4.5. Функционирование развитых пиджинов и креольских языков

Языковые ситуации в странах распространения креольских языков сильно различаются. В некоторых случаях

²⁵ Бесспорные следы “морского” происхождения имеются в самых разных креолах. Например, в индопортугальском словосочетании *disembarc du cavall* ‘слезать с лошади’ глагол восходит к португальскому глаголу со значением ‘сходить на берег’.

эти языки являются родными для подавляющего большинства населения страны (Гаити, Ямайка и ряд других островных государств Вест-Индии, Республика Кабо-Верде), в других — там, где креольский этнос представляет собой одну из нескольких крупных этнических групп населения, — это основные языки межэтнического общения (Суринам, Сьерра-Леоне, Маврикий). Наконец, могут существовать и небольшие креолязычные группы, язык которых используется лишь для внутриэтнического общения (такие группы есть в ряде государств Америки, Южной и Юго-Восточной Азии, в Австралии; из упоминавшихся языков к ним относятся сарамакка, брокен).

Расширенные пиджины в первую очередь используются как языки межэтнического общения (при этом, как указывалось, постепенно происходит их креолизация). В своих коммуникативных возможностях развитые расширенные пиджины, как и креолы, принципиально ничем не уступают языкам, которые формировались иными путями. Спектр выполняемых ими функций определяется не их происхождением, а их официальным статусом и отношением к ним самих говорящих.

Вот несколько примеров.

Бислама провозглашен национальным языком Республики Вануату, но традиция его использования в государственных структурах пока еще только складывается и в официальном употреблении он уступает английскому и французскому — языкам бывших метрополий. Пиджин Соломоновых о-вов официального статуса не имеет, хотя широко используется в средствах массовой информации. Среди тихоокеанских контактных языков функционально наиболее развит *ток-писин*. Хотя официальными в Папуа — Новой Гвинее объявлены три языка (*ток-писин*, *хири-моту*, английский), именно *ток-писин* служит основным рабочим языком центрального правительства и большинства провинциальных администраций. На всех этих языках создается художественная литература. Роль *ток-писина* в новогвинейском обществе хорошо характеризует следующее сообщение газеты “Пост-Куир” о встрече премьер-министров Папуа — Новой Гвинии и Японии (1977): “В ходе переговоров м-р Сомаре, великолепно говорящий по-английски, пользовался пиджином. Секретарь по иностранным делам, м-р Тони Сиагуру, переводил пиджин на английский, а японский пе-

реводчик, в свою очередь, переводил для м-ра Фукуды. Как сообщил позднее официальный представитель ПНГ, м-р Сомаре решил пользоваться пиджином, поскольку может лучше выразить на нем свои мысли”.

Большинство европейцев (лингвисты не исключение) традиционно считали креольские языки и пиджины лишь исковерканными формами английского, французского и других языков. Этот предрассудок довольно долго мешал успешному функциональному развитию креолов и расширенных пиджинов, изданию на них литературы, использованию в образовании и официальных сферах. В 1953 г. ООН даже обязала Австралию, управлявшую в то время подопечной территорией Новая Гвинея, отменить использование пиджина в административных целях и прекратить субсидировать те школы, где на нем велось обучение.

Важным функциональным отличием расширенных пиджинов и креолов является то, что первые не на всей территории своего распространения функционируют в полном объеме. Для многих носителей в удаленных центральных районах Новой Гвинеи ток-писин продолжает оставаться вспомогательным средством элементарного межэтнического общения, т. е. стабильным, но не расширенным пиджином. Тем не менее в качестве языка-посредника он постепенно вытесняет региональные лингва-франка.

Примеры быстрого структурного и функционального развития пиджинов, роста их престижа наблюдаются и в других регионах мира. Например, *фанагало*, возникший на юге Африки как пиджин для поддержания элементарной межэтнической коммуникации и еще несколько десятилетий назад ассоциировавшийся исключительно с отношением “хозяин—слуга”, стал ведущим языком общения в многонациональных трудовых коллективах, он широко используется и в быту; часто к нему прибегают и южноафриканские индийцы [Mesrtrie 1989]. Любопытно, что фанагало, ни для кого не будучи родным языком, становится символом идентичности даже для белых южноафриканцев. В литературе описан такой показательный эпизод: белого южноафриканца, эмигрировавшего в Новую Зеландию, приятель снимает на видеопленку, чтобы отослать ее знакомым в ЮАР как рождественский подарок. Тот, сначала смутившись, говорит в объектив: *Heu wena? Ini wena buka?* ‘Эй, ты? Куда смотришь?’ — и после паузы добавляет: *Kanjani lara*

kaa? ‘Как дела на родине?’. Использование фанагало в данном случае иллюстрирует его важную символическую ценность для говорящего.

2.5. Владение языком как социолингвистическая проблема

В каждой науке наряду с терминами, имеющими более или менее строгие дефиниции, существуют интуитивно понимаемые, неопределяемые термины. При этом, как это ни парадоксально, подобные термины нередко обозначают базовые понятия. Таково, например, понятие числа в математике, понятие слова в лингвистике (до сих пор не существует единого и при этом непротиворечивого определения термина *слово*).

К таким интуитивно понимаемым, формально не определяемым относится и понятие *владение языком*. Более того, до сравнительно недавнего времени это словосочетание и не осознавалось лингвистами как терминологическое. Само собой разумеется, что можно говорить о владении языком, если человек умеет понимать высказывания на данном языке и строить на нем — по определенным правилам, общим для всех говорящих на данном языке, — тексты (устные и письменные).

Современный этап развития лингвистики знаменателен, в частности, тем, что понятия, ранее осмысливавшиеся чисто интуитивно или не имевшие строгих толкований, начинают получать эксплицитные определения. Такова, например, судьба некоторых традиционных грамматических понятий: “управление”, “согласование”, “грамматическое значение” (в отличие от лексического) и некоторых других, которые во второй половине XX в. подверглись пересмотру и существенным уточнениям (главным образом с позиций формального описания языка для целей, связанных с созданием действующих моделей языка).

Так случилось и с понятием *владение языком*.

Поскольку в качестве основной задачи лингвистики в последние десятилетия выдвигается задача *моделирования речевой деятельности* человека или, иначе, того, как человек владеет языком, постольку естественно и необходимо